

Сказочник

Миша и тайна цветочной пыльцы

*Каждому открытому сердцу
и всем, кто искренне верит в сказки.*

Ваш Сказочник

Содержание

1	Слезинка под листом папоротника	4
2	Запертые дубовые закрома	11
3	Полет над сонными травами	18
4	Колючие тайны темного оврага	24
5	Пробуждающий звон на заре	30

ГЛАВА I

Слезинка под листом папоротника

Доски старого крыльца за день прогрелись так славно, что сквозь штанишки Мишиного зеленого комбинезона шло ласковое тепло. Солнце уже скатилось за дальние сос-

ны, оставив на верхушках малиновую полоску. Мальчик сидел на корточках, прижав круглую лупу к глазу, и завороченно смотрел под ноги. По шершавой ступеньке шагал рыжий муравей. Он тащил сухую сосновую иголку втрое длиннее себя и сердито шевелил усиками, если на пути попадалась крупинка речного песка.

— Миша-а! — донесся с застекленной веранды мамин голос, звякнула чашка. — Иди пить чай с мятой и сушками! Скоро совсем стемнеет, пора спать!

Мальчик поднялся на одну коленку, собираясь ответить, как вдруг в густой тени под папоротником что-то вспыхнуло. Это была не простая искра от печной трубы, а крошечный золотистый всполох, чистый и прозрачный, словно осколок янтаря. В тот же миг из влажной травы донесся тоненький хрустальный звук: дзинь-пинь! Будто на лету раскололась тяжелая вечерняя росинка.

Миша ☀

Миша тут же опустился на четвереньки. Он полз так тихо, чтобы не поднять сквозняка и не потревожить сон-

ных мошек. Резные перистые листья папоротника пахли сырой землей и грибным дождем. Мальчик отвел зеленую ветку кончиками пальцев и замер на одном вдохе.

Под листом, на подушечке из бархатного мха, сидела крошечная девчушка. Ростом она была не больше стрекозы, с прозрачными, переливчатыми крылышками за спиной. На ней темнело тонкое платьице из сухого липового листа, подпоясанное гибкой травинкой. Девчушка спрятала лицо в ладошки и горько, безутешно плакала, вздрагивая всем тельцем. Крошечные слезинки скатывались по ее коленкам и падали на мох, вспыхивая теплыми искорками.

Сухой березовый прутик хрустнул под Мишиным кроссовком. Малышка вздрогнула, вскинула голову и зажмурилась от страха. На ее конопатом курносом носике светились золотые веснушки, а в зеленоватых волосах запутался белый бутон брусники.

— Батюшки-ромашки! — пискнула она, пятясь к шершавому корню и закрывая голову ручками. — Великан! Настоящий горный великан в зеленых штанах! Ой-ёй, сейчас наступит подошвой прямо на крылья!

Миша торопливо убрал руки за спину, лег животом на траву и очень тихо прошептал:

— Тихо-тихо, я не трону. Ты же дышишь... Ой, гляди, у тебя в волосах цветов настоящий!

Крылышки незнакомки перестали бешено трепетать. Она осторожно раздвинула крошечные пальцы и взглянула на Мишу круглыми янтарными глазами. Великан лежал смирно, пах сосновой смолкой и не пытался схватить ее банкой из-под варенья. Девочка вытерла мокрый нос подолом платья, шмыгнула и с опаской покосилась на пустую травяную веревочку у себя на поясе.

— Я не просто так плачу, — затараторила кроха, поднимаясь на пуховые башмачки и часто перебирая ножками от пережитого испуга. — Меня зовут Златка, и я самая несчастная фея на свете! Понимаешь, великан, совет старых сов поручил мне разбудить зачарованные колокольчики на Дальней поляне. А для этого нужен туесок с золотой пылью! Но тут ползла такая улитка... Ну совершенно необыкновенная, с полосатым панцирем! Я только на секундочку присела рассмотреть ее рожки, а шнурочек — раз! — и развязался. Крылышки мои мокрые, если до рассвета цветы не зазвонят, утро просто не наступит!

Фея Златка

Она снова всхлипнула и схватилась за голову. Миша не стал спорить про наступающее утро, ведь взрослые часто не понимают таких серьезных вещей. Он осторожно опустил ладонь в прохладную траву возле нижней ступеньки крыльца. Пальцы нащупали скользкие стебли чистотела, сухой лист подорожника и что-то глад-

кое, твердое, размером с лесной орех.

— Это не он? — шепотом спросил мальчик, разжимая кулак.

На его ладони лежал крошечный туесок из выдолбленного желудя, с берестяной плотной крышечкой. Златка ахнула, всплеснула руками и подлетела к ладони, зависнув в воздухе, словно мотылек.

— Нашелся! Батюшки-ромашки, нашелся родимый!

Но стоило ей приподнять крышечку, как ее личико снова вытянулось. Туесок был абсолютно пуст: вся волшебная пыльца высыпалась на траву и растворилась в вечерней росе без следа.

— Ой-ёй, пропали лепесточки! — в отчаянии закричала Златка, хватаясь за веточку папоротника. — Чем я буду будить колокольчики? До утра осталось всего ничего, а ты такой огромный и неуклюжий! Ты же пойдешь со мной и растопчешь все заячьи тропинки!

В окне веранды уютно горел желтый абажур. Там пахло свежими сушками, а на кровати ждало мягкое пуховое одеяло. Стоило просто встать, подняться по ступенькам и закрыть за собой сетчатую дверь от комаров. Но Миша посмотрел на поникшие прозрачные крылышки феи, на ее дрожащие башмачки из чертополоха и вспомнил рыжего муравья с тяжелой иголкой. У каждого жучка — свое великое дело.

Мальчик решительно выставил вперед свой круглый мизинец.

— Не бойся, Златка. Я хожу тихо, как ежик в сухой траве. Честное жучиное слово! Мы найдем новую пыльцу до рассвета.

Фея недоверчиво поглядела на протянутый палец великана, но все-таки коснулась его своей крошечной теплой ручкой. Миша полез в глубокий карман своего жилета и достал дедушкин берестяной фонарик с прорезанными круглыми дырочками, внутри которого мирно дремал толстый зеленый светлячок. Фонарик бросил на тропинку мягкий изумрудный луч.

Мальчик осторожно шагнул со ступеньки в густую темноту засыпающего сада. Златка вспорхнула и уселась к нему прямо на плечо, крепко вцепившись в шов комбинезона. Но стоило им сделать три неслышных шага в сторону старых яблонь, как в самой чаще глухо ухнуло сухое дерево. Следом за этим раздался мерный, тяжелый железный стук: тук-тук, тук-тук. Лесной комендант вышел на свой вечерний обход.

ГЛАВА 2

Запертые дубовые закрома

Миша ступал на цыпочках, стараясь не задеть ни единой былинки. Ветви старых яблонь остались позади, уступая место кряжистому великану — вековому дубу. Корни дерева вздымались из земли замшелыми спинами огром-

ных сонных зверей. Между двумя самыми толстыми кряжами теплился янтарный свет. Там висели крошечные фонарики из сосновых чешуек, внутри которых тихо тлели капельки смолы. Это была комендатура нижнего яруса.

Златка затаилась у мальчика за воротником, только ее прозрачные крылышки вздрагивали от каждого шороха. Из круглых дубовых ворот, сделанных из толстой бересты, неторопливо выступил исполинский жук-олень. Панцирь его сиял темным полированным деревом, а над головой грозно покачивались ветвистые рога-челюсти с зазубринами. На шее у великана был аккуратно повязан белый пуховый шарфик из волокон иван-чая. Жук важно шевельнул усами-гребешками и звучно щелкнул надкрыльями: щелк-щелк!

— Кто топчет мох в неприемные часы? — прогремел скрипучий бас, похожий на треск сухой сосновой ветки.

Фея робко выпорхнула вперед, держа перед собой пустой желудевый туесок.

Дядюшка Кузьма

— Дядюшка Кузьма, почтенный комендант! — зазвенел ее тоненький голосок. — Батюшки-ромашки, выручайте! Пропала пыльца, роса смыла все до крупинки! Отсыпьте из дубовых закромов хоть наперсточек, иначе колокольчики не проснутся к рассвету!

Кузьма выпрямился во весь свой внушительный рост, оказавшись размером с чайное блюдце. Глаза его блеснули двумя бусинами черного янтаря.

— Порядок — мать коры! — отчеканил он, сердито поправляя шарфик передней лапкой. — Бухтеть не велено. В лесу объявлен ночной покой. Никаких выдач без печати подорожной личинки!

Мальчик опустился на колени, бережно поставив берестяной фонарик на корень.

— Пожалуйста, господин комендант, — очень тихо и вежливо прошептал Миша, стараясь дышать в сторону, чтобы ненароком не сдуть стража. — Без звона зачарованных цветов утро не сможет прийти. Разве можно оставлять лес в вечной темноте?

Старый жук грозно заскрежетал исполинскими рогами-челюстями перед самым Мишиным носом. Деревянные ворота за его спиной скрипнули от сквозняка.

— Слыхали мы эти сказки! — сердито буркнул Кузьма, постукивая коготком по коре. — Две осени назад тоже шумели, водили хороводы да плясали до полуночи! А ранний иней пришел тихонько и стубил весь шиповник до единой почки! Молодо-зелено, только лапками дрыгать, а о припасах никто не думает! Нет никакой пыльцы для плясок. Все под замком, до самой весны!

С этими словами старик ухватился за берестяную за-слонку, с силой потянул ее на себя и с глухим стуком захлопнул вход в кладовую. Изнутри глухо лязгнул дубовый засов, и сердитый бас добавил:

— А будете шуметь под дверью — кликну караул жуков-щелкунов! Они быстро научат порядку, мигом подбросят выше крапивы!

Златка опустилась прямо на Мишин мизинец, уронила желудевый туесок и в отчаянии забила ладошками по липовому подолу.

— Крылышки мои мокрые! — простонала она, готовая разрыдаться. — Ой-ёй, пропали лепесточки! Он же заперся намертво! Завтра все колокольчики увянут навек, а птицы забудут свои утренние песни! Все пропало, великан, мы ни за что не успеем!

Мальчик осторожно поднес палец ближе к лицу, укрывая маленькую фею от налетевшего ветерка второй рукой. Он вспомнил, как сердитый Кузьма кутался в свой пуховый шарфик, как подрагивали его черные суставчатые лапки. Строгий комендант вовсе не был злым сторожем. Он просто помнил холодную беду и дрожал от страха перед сырым ветром, пряча тревогу за грозными окриками.

— Не плачь, Златка, — мягко сказал Миша. — Дядюшка Кузьма бережет свои запасы, потому что боится стужи. У каждого жучка — свое великое дело. Но мы ведь можем найти пыльцу сами, на лугу.

Мальчик вытащил из кармана жилета круглую лупу в медной оправе. Наклонившись к зеленому бархату у корней дуба, он направил луч света на примятые травинки.

Крупные капли вечерней росы на подорожнике были аккуратно смахнуты, а на серебристом мху виднелась едва заметная полоска пыльцы, ведущая в сторону старого терновника. Кто-то крылатый и большой совсем недавно поднялся отсюда в воздух.

Фея перестала всхлипывать и смахнула слезинку с золотистой щеки.

— Савелий! — вдруг радостно пискнула она, подпрыгнув на мальчишеском пальце. — Батюшки-ромашки, это же бабочка-махаон Савелий! Он живет в кустах терна и знает каждую травинку на пять верст вокруг! Он чует сладкий запах ночных цветов лучше любой совы! Если он укажет дорогу, мы найдем бутоны прямо в поле!

Миша кивнул и бережно подхватил фонарик со спящим светлячком. Замки коменданта остались позади, но впереди лежала неизвестная ночная тропа. Мальчик выпрямился во весь свой пятилетний рост и решительно шагнул в сторону темнеющих зарослей луга.

Влажный ночной туман застилает траву, и где-то на верхних ветвях раздается испуганный шелест чешуйчатых крыльев.

ГЛАВА 3

Полет над сонными травами

Шелест раздался совсем близко, над колючей веткой терна. Там, покачиваясь на высоком синем стебле цико-рия, сидела большая бабочка. Ее широкие сливочно-жел-

тые паруса потемнели от тумана, а бархатные края с алыми крапинками уныло повисли. На перистых усиках наездника красовались крошечные круглые очки из прозрачных капель сосновой смолы, но стекла совсем затянуло белесой испариной.

— Ах, какая прискорбная влажность, — пропел незнакомец печальным баритоном и тяжело вздохнул. — По курсу — третьи незабудки, а горизонт потерял безвозвратно.

— Савелий, дорогой штурман! — Златка всплеснула руками прямо на Мишином плече. — Батюшки-ромашки, не узнаете? Мы ищем спящие колокольчики!

Махаон повернул голову и близоруко сощурился через мутную смолу. Он попытался расправить узорчатые крылья, но они отяжелели от сырости и только бессильно согнулись.

Миша медленно опустился на колени в мокрый клевер. Мальчик аккуратно снял бабочку со стебля, подставив ладонь под ее цепкие лапки, и бережно сложил руки круглым домиком. Внутри стало темно и спокойно. Миша приблизил губы к щелке между пальцами и тихо подул туда своим теплым дыханием. Один раз, другой, третий. Бархатное тельце махаона перестало мелко дрожать. За-

тем мальчик кончиком указательного пальца приподнял крохотные очки штурмана и осторожно промокнул смоляные стеклышки мягким краем своей сухой горчичной футболки.

Савелий часто замигал крупными черными глазами, удивленно повел усами и издал восторженный вздох.

— Полноте, друзья мои, какой изумительный микроклимат! — воскликнул он, расправляя широкие черно-желтые паруса. — Приборы чисты, курс ясен. Держитесь лунного компаса!

Махаон взмыл над травой, плавно рассекая редеющий туман, а Миша зашагал следом, держа перед собой берестяной фонарик со светлячком. Златка летела рядом, прижимая к груди желудевый туесок.

Вскоре кусты расступились, открывая просторную поляну. Здесь трава казалась темным озером, на котором покачивались сотни плотно сомкнутых синих бутонов. На круглой шляпке бледного подорожника сидела круглая божья коровка Глафира в блестящем красном кафтане. Заметив путников,

Глафира

она вежливо поклонилась Мише и тихо зашептала заветные сонные слова:

— Дремлет луг, дремлет рог, спит речной песок... А тебе, цветок, на часок открывать звонок.

Синие бутоны вздрогнули. Шелковистые чашелистики дрогнули, медленно раздвинулись, и лепестки распахнулись навстречу ночному воздуху. Из самой глубины спящих венчиков хлынуло нежное мерцание.

Златка подлетела к первому цветку и ловко подставила пустой желудь. Золотые искристые крупинки посыпались вниз, словно теплый сияющий снег. Крупинка к крупинке, слой за слоем — туесок быстро наполнялся живым медовым светом до самых краев. Фея радостно закружилась в воздухе, ее янтарные глаза сияли.

Миша заулыбался, но в этот миг с севера, из темноты старого бора, донесся глухой, низкий гул древесных вершин.

Луна над поляной мгновенно погасла, словно кто-то набросил на небо плотное войлочное одеяло. С верхушек сосен сорвался ледяной свистящий шквал и всей тяжестью рухнул на беззащитный луг.

Стебли колокольчиков с сухим треском прижало к самой земле. Махаона Савелия закрутило дикой воронкой, опрокинуло через голову и швырнуло в непроглядную чашу прибрежных кустов. Миша инстинктивно упал на четвереньки, закрывая голову и подставляя спину хлещущему ветру, чтобы спасти маленькую фею.

— Златка, держись! — крикнул он сквозь рев бури.

Но фея отчаянно боролась со сквозняком, не желая выпускать драгоценную ношу. Внезапный резкий порыв оторвал от куста колючий прут терновника и хлестнул Златку прямо по рукам. Пальчики разжались. Желудевый туесок выпал, глухо стукнулся о камень и покатился вниз по скользкому глинистому склону.

— Держи его! — тоненько взвизгнула фея, бросаясь вдогонку.

Мальчик вскочил на ноги и кинулся следом. Резиновые подошвы кед безнадежно скользили по мыльной от росы траве. Миша споткнулся, ободрал ладони о корягу, но все-таки успел заметить, как золотой мерцающий огонек подпрыгнул на кочке и беззвучно канул в черную, заросшую бурьяном щель Тернового Оврага.

Ветер оборвался в ту же секунду. Воздух замер, став стеклянным, неподвижным и горько пахнущим первым заморозком.

Миша тяжело перевел дух и протянул ладонь вперед. На его исцарапанные пальцы с тихим шелестом упала Златка. Ее нежные, похожие на мыльные пузыри крылышки покрылись белой колючей коркой инея и больше не двигались.

ГЛАВА 4

Колючие тайны темного оврага

Крошечные реснички феи побелели от колючей изморози. Миша легонько тронул ее плечо кончиком пальца, но Златка даже не шевельнулась. Тогда мальчик растегнул молнию теплой жилетки и осторожно опустил фею за пазуху, под воротник горчичной футболки. Там, у самой груди, мерно стучало его сердце, отдавая тихое человеческое тепло.

— Потерпи, маленькая, — шепнул Миша в темноту. — Я достану. Честное жучиное слово!

Край Тернового Оврага обрывался вниз крутым глинистым уступом. Мальчик перехватил берестяной туесок-фонарик левой рукой, а правой вцепился в узловатый сосновый корень. Морозный воздух обжигал ноздри запахом прелых лопухов и сырого речного ила. Подошвы кед неловко скользили по жирной грязи, срывая комья мерзлой

земли. Бурьян вокруг стоял насмерть: сухие стебли чертополоха хрустели под ногами, а злые шипы терновника норовили ухватить за рукава и поцарапать лоб.

Светлячок внутри фонарика совсем озяб. Его зеленый огонек светил тускло, выхватывая из тьмы то замшелый пенек, то кривые ветки. На самом дне оврага гулял промозглый сквозняк. Миша присел на корточки, прикрывая ладонью свет, и вгляделся в спутанные ежевичные плети.

В развилке двух колючих прутьев что-то темнело. Это была гладкая шляпка желудя, искусно оплетенная сухой травинкой.

— Нашел! — звонко выдохнул мальчик, забыв про холод.

Он полез прямо сквозь гущу колючек, не обращая внимания на треск ткани комбинезона. Острые шипы царапали щеку, цеплялись за плечи, но Миша упрямо протискивался вперед, пока пальцы наконец не сомкнулись на круглом боку туеска.

Однако радость растаяла быстрее льдинки на ладони. Берестяная крышечка болталась на одном волоске, расколота пополам. С нависшей ветки терна прямо в горлышко желудя сочилась струйка ледяного конденсата. Она раз-

мыла все без следа. Вместо сияющего золотого меда на донышке плескалась мутная, холодная жижица, а драгоценная пыльца давно утекла в черную прибрежную грязь.

Под футболкой слышался слабенький, прерывистый шорох. Златка приоткрыла янтарные глаза, почувствовав остановку, и выглянула из-под теплой ткани. Увидев пустой желудь в руках мальчика, она бессильно уронила голову ему на ключицу.

— Все... — прозвенел ее голосок, тонкий, как лопнувшая паутинка. — Батюшки-ромашки... мы опоздали... колокольчики уснут навсегда...

Миша опустился на большой замшелый валун, чувствуя, как мокрые штанины липнут к коленям. В носу нестерпимо щипало, и к горлу подкатывала горькая детская обида. Зачем был весь этот путь? Зачем он берег каждую травинку, если теперь рассвет придет в мертвую тишину?

Внезапно снизу, из-под самого камня, донесся мелкий сухой треск. Звук напоминал щелканье сухих сосновых иголок на ветру.

Мальчик шмыгнул носом и наклонил фонарик к земле. В трещинах серой коры старого поваленного вяза кто-то

отчаянно барахтался. Десятки черных смоляных жужелиц жались друг к другу, оцепенев от внезапного заморозка. Их длинные суставчатые лапки бессильно скребли по мерзлой древесине, а рядом на согнутых былинках застыли серые кузнечики с подогнутыми коленями. Ночной холод застал их врасплох, прямо посреди дороги.

«У каждого жучка — свое великое дело», — прозвучал в памяти неторопливый голос старого сказочника, и Мишины пальцы сами потянулись к карманам безрукавки.

Там лежали припасенные днем сокровища: сухие дубовые листья, пахучие сосновые чешуйки и лоскутки мягкого зеленого мха. Мальчик выгреб все до последней крошки. Забыв о собственной усталости, он осторожно опустился на колени в сырую листву.

Ловкие, чуткие пальцы Миши брали широкий дубовый лист и бережно укладывали поверх застывшей жужелицы, подтыкая краешки, словно теплое ватное одеяло.

— Тихо-тихо, не бойся, — ласково приговаривал он, согревая дыханием каждую щель. — Вот так, под крылышки не поддует. И тебе лопушок, держи.

Миша укрывал их одного за другим, проверяя, чтобы ни один усик не остался на колючем сквозняке. От его ла-

донец шло живое, доброе тепло. Под сухими резными покровами слышалось благодарное шевеление. Самая крупная жужелица, чья спинка отливала глубоким фиолетовым гляncем, медленно расправила усы, стряхнула оцепенение и неуверенно переступила лапками.

Она выползла из-под дубового листа и осторожно коснулась коготком Мишиного указательного пальца. В ее фасеточных глазах отразился слабый огонек светлячка. Жужелица потянулась вверх и приподняла блестящие надкрылья. Там, на мягком бархатном брюшке, густо сияли крошечные золотистые ворсинки, полные теплой цветочной пыли, собранной за минувшее жаркое лето.

Златка высунула носик из Мишиного ворота и изумленно ахнула. А высоко над зазубренным краем оврага темный бархат неба начал медленно, неумолимо бледнеть.

ГЛАВА 5

Пробуждающий звон на заре

Миша перемахнул через колючий гребень оврага, не чувствуя ссадин. Златка сидела у него на плече, крепко держась за воротник жилетки. Ее крылья высохли от до-

машнего уюта под курткой и теперь звенели быстрой серебряной дробью.

Впереди показалась поляна Спящих Колокольчиков. Трава здесь уже не блестела синью, а подернулась бледным пеплом. На самом краю тропинки стеной застыла жучиная стража. Впереди стоял дядюшка Кузьма. Его пуховый шарфик из иван-чая был туго затянут под подбородком. По бокам выстроились тяжелые изумрудные бронзовки, выставив вперед полированные надкрылья, словно щиты.

Комендант поднял зазубренную переднюю лапку, преграждая путь:

— Стой, человеческий детеныш. Бухтеть не велено! Небо розовеет, колокольчики сомкнули венчики. Солнце вот-вот коснется сосен. Ради общего блага цветы заснут навеки до следующего лета. Порядок — мать коры!

— Дядюшка Кузьма, постойте! — выдохнул Миша, запыхавшись. — Пыльца есть, она здесь, честное жучиное слово!

— Пустословие, — строго прогремел жук-олень, постукивая лапкой о корень. — Желудь пуст. Молодо-зелено, только лапками дрыгать, а мороз шуток не любит.

В этот миг из темной глубины оврага донеслось нарастающее гудение. Словно тысячи крошечных скрипок заиграли разом под сводами леса. Из зарослей терна поднялось мерцающее золотое облако. Впереди, уверенно рассекая сырой рассветный воздух широкими крыльями, летел махаон Савелий. Он победоносно шевелил начищенными усами. Следом за ним плотной живой стаей поднимались отогретые жужелицы, длинноногие серые кузнечики и вертлявые жуки-щелкуны. На брюшках, на волосках лапок, на макушках они несли крупницы сбереженного летнего тепла. Это сияло чистое золото июльского полдня, укрытое Мишиной заботой от ледяной гибели.

— Батюшки-ромашки! — звонко вскрикнула Златка, взмывая в воздух. — Они летят!

Миша выхватил из глубокого кармана лупу в круглой медной оправе. Он поймал стекловидным диском самый первый, еще косой и робкий отблеск утренней зари. Яркий солнечный зайчик прыгнул на синие венчики. Жуки дружно ринулись вниз, закружились над поляной и разом встряхнули над-

крыльями. Золотистая пыльца дождем брызнула в самую глубь чашелистиков.

Спящие бутоны вздрогнули. По шелковистым лепесткам побежали лазурные искры. С тихим, ласковым шелестом синие и лиловые колокольчики распахнулись навстречу рассвету. Тонкие стебельки качнулись, и поляну затопил хрустальный, чистый звон. Музыка звенела так легко и радостно, что даже лесной туман растаял без следа. Глафира на подорожнике всплеснула лапками от восторга. В фасеточных глазах старого Кузьмы заблестела крошечная прозрачная капля смолы.

Хрустальный перезвон медленно растворялся в высоком сосновом бору, уступая место обычному утреннему птичьему гомону. Золотые лучи солнца уже вовсю грели мокрый мох и сухие ветки. Миша стоял у края поляны, завороченно глядя, как просыпается лес.

Дядюшка Кузьма степенно подполз к носку Мишиного кеда. Жук-олень снял свой пуховый шарфик, прижал лапку к грудному щитку и низко склонил могучую рогатую голову.

— Признаю, великан, — проскрипел он уже без прежней сердитости. — Твое тепло оказалось надежнее самых крепких дубовых замков. Прости старого коменданта за ворчание.

Миша опустился на корточки, чтобы оказаться вровень с жуком. Пальцы мальчика скользнули в нагрудный кармашек безрукавки. Там, завернутый в бересту, лежал засушенный четырехлистный клевер. Миша бережно положил зеленый листок прямо перед лапками старейшины.

— Это вам, дядюшка Кузьма, — тихо сказал мальчик. — Чтобы вы больше никогда не боялись раннего инея.

Старый жук бережно подхватил подарок за черешок, тронул усами гладкие края и замер, не находя слов. А Златка уже кружилась прямо перед носом мальчика, рассыпая в воздухе искристые солнечные брызги.

— Я прилечу к папоротникам! — щебетала фея, щекоча Мишину щеку прозрачным крылышком. — Каждое лето буду прилетать, вот увидишь!

Миша поднялся и зашагал к дому, бережно ступая между корнями. Он чувствовал приятную усталость в коленях, но на душе было светло и спокойно. Мальчик поднялся на

деревянное крыльцо, стряхивая с комбинезона сухие березовые чешуйки.

Дверь дачи скрипнула. На порог вышла мама в теплом вязаном кардигане, пахнущем мятой и свежими оладьями. Она ласково посмотрела на сына:

— Ты уже на ногах, путешественник? Ну-ка марш умываться и пить чай.

Миша шагнул в сени и оглянулся. На дощатой ступеньке умытого росой крыльца его ждала крошечная чашечка желудя, полная сладкого цветочного меда.

Важные места

↖ Крыльцо у
Папоротников

Именно здесь, среди сырых листьев, раздался тихий плач Златки. Отсюда началась наша ночная экспедиция в неизвестность.

☆ Поляна
Спящих
Колокольчиков

Колокольчики спали так крепко, что мороз чуть не победил. Зато их первый утренний звон заставил улыбнуться даже ворчунов.

Дубовая Крепость Кузьмы ✧

Тяжелые замшелые своды и неприступный вид. Кузьма так дрожал за запасы, что едва не проглядел самое важное чудо.

Жерновы́й Овраг

Колючие ветки рвали жилетку, а холод сковывал пальцы. Но именно на дне оврага Миша нашел самых верных друзей.

Важные предметы

↖ Желудевый туюсок ♀

Крошечный, из гладкой шляпки желудя.
Когда он сорвался в темноту оврага, у
меня самого замерло сердце.

☀ Карманная лупа Миши

Верный Мишин инструмент из
дедушкиного стола. Сквозь нее и
букашка кажется великаном, и луч
солнца творит чудеса.

↖ Берестяной фонарик

Теплый огонек из бересты дрожал на
ветру, но упорно освещал дорогу двум
маленьким героям сквозь ночную мглу.

Благодарности

Эта лесная история никогда бы не случилась без моего маленького вдохновителя. Спасибо пятилетнему Мише за его неугомонное любопытство, вечно полные карманы желудей и ту удивительную чуткость, с которой он разглядывает каждую букашку в траве. Твоя доброта, готовность нестись на помощь без оглядки и сияющие глаза стали настоящим компасом для этой книги. Ты научил меня замечать чудеса там, где взрослые видят лишь сухие листья и вечернюю тень. Расти смелым, умей слышать тех, кто меньше тебя, и никогда не переставай беречь этот хрупкий мир.

Сказочник ☆

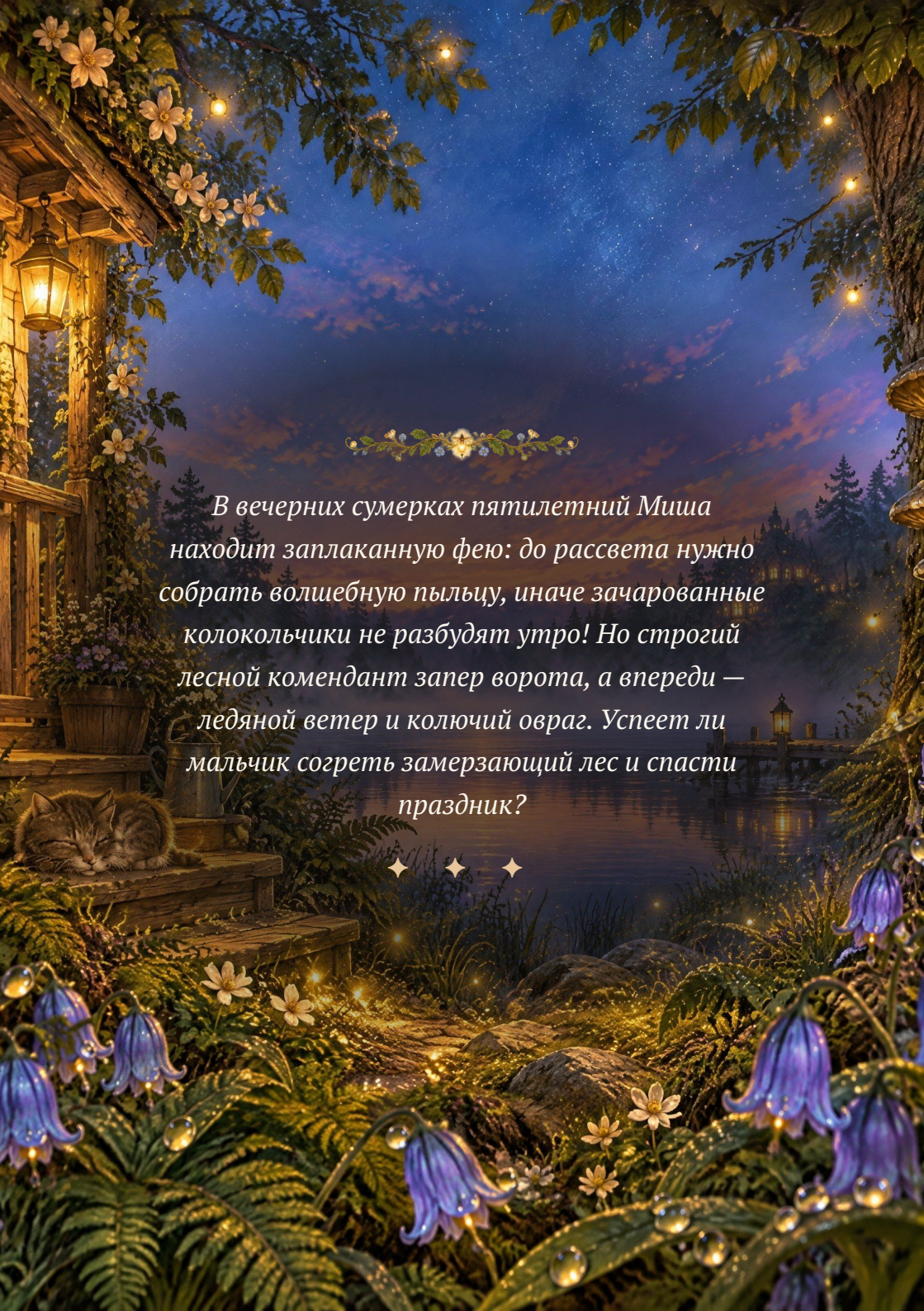
Миша и тайна цветочной ПЫЛЬЦЫ

Автор: **Сказочник**

Написано для всех, кто всем сердцем любит сказки

Октябрь 2026

В вечерних сумерках пятилетний Миша находит заплаканную фею: до рассвета нужно собрать волшебную пыльцу, иначе зачарованные колокольчики не разбудят утро! Но строгий лесной комендант запер ворота, а впереди — ледяной ветер и колючий овраг. Успеет ли мальчик согреть замерзающий лес и спасти праздник?

